

Велизарий не жалеет крепких выражений, обличая царский двор, «наполненный проясками», «такое смешение страстей, в котором и самая премудрость не может разобрать истины».⁵³ Он посрамляет придворных — «сих негодных ласкателей, сих низкосердых учтивцев», «вельможных наших разбойников», погрязших в «сребролюбии, суровости и тиранстве», чиновников, «с бесчеловечным самовластием по городам и уездам поступающих».⁵⁴ Прозревший благодаря проповеди Велизария император Юстиниан с ужасом видит наконец, что его окружают плохие люди: «Без сумнения, сказал он им, империя в цветущем состоянии, ибо вы плаваете в изобилии. Без сумнения она и благополучна, ибо вы живете в роскоши и праздности. Народы здесь почитаются за ничто, а двор составляет для вас всю империю».⁵⁵ Самовластный тиран оказался пленником «бесчеловечных начальников, кои владычество самого правосудного и кроткого государя, к сожалению, весьма часто нестерпимым делают. <...> Предписания своей собственной гордости, мздоимства и своенравия называют они его изволением <...>, так что государь, ни мало того не чая, становится чрез них язвою возлюбленного ему народа».⁵⁶

Ирония самой жизни в том, что тирады эти переводили те самые придворные, против кого и направлена была сатира Мармонтеля. Императрица же перевела суждения Велизария, касающиеся ее самой. Тиран «да трепещет, есть ли хотя на мгновение <...> перестанет льстить гордости или подкреплять своевольство опасных своих участников. Служа ему, они ему и грозят и в заплату послушания требуют упущения. И так, чтоб угнетать одну часть народа, делается он невольником другой, столь низок и подл с сообщниками своими, сколько пышен и суров с прочими своими подданными. Да стережется он неволить или обманывать в их ожидании те страсти, кои ему помогают. Он знает, сколько они люты, понеже для него они разрушили все союзы естества и человечества. Тигры, коих человек воспитывает для ловли, съедают своего господина, есть ли забудет он разделить с ними добычу: таково есть обязательство тиранов».⁵⁷ В «Спасской Полести» Прямовзора советует царю: «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои,

⁵³ Там же, с. 125.

⁵⁴ Там же, с. 50, 145—146.

⁵⁵ Там же, с. 150. Последняя фраза приведенной цитаты, возможно, помогла Радищеву декоративно оформить его видение. С одной стороны, это царский двор: «Место моего возседения было из чистаго злата <...> С робким подобострастием, и взоры мои ловящи стояли вокруг престола моего чины государственные». С другой — это вся империя: «В некотором отдалении от престола моего, толпилось безчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан, различие их племени возведали» (I, 248—249).

⁵⁶ Велизер..., с. 148.

⁵⁷ Сочинения императрицы Екатерины II., т. V, с. 6.